

RUSSIA AND UKRAINE: THE CONTROVERSIAL EXPERIENCE OF STATE AND NATION-BUILDING

DOI 10.15826/qr.2018.2.299

УДК 94(48)"1700/1721"+327(470:477)+929

«ЧТО ДЕЛАТЬ С УКРАИНОЙ?»: СТАНИСЛАВ ЛЕЩИНСКИЙ И ГЕТМАН МАЗЕПА В 1705 г.*

Кирилл Кочегаров

Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия

“WHAT SHALL WE DO WITH UKRAINE?”: STANISŁAW LESCZYŃSKI AND HETMAN MAZEPA IN 1705**

Kirill Kochegarov

The Institute of Slavic Studies of RAS,
Moscow, Russia

In 1705, during the Northern War, Stanisław Leszczyński, who had been elected king of Poland with the support of Sweden, tried to secure the loyalty of Ivan Mazepa, the Ukrainian hetman. The article considers previously unstudied primary sources, introducing such documents as the plan for political reforms in Ukraine that emerged in the immediate milieu of Stanisław Leszczyński, and the record of the interrogation of his agent, Franciszek Wolski, who was sent to Mazepa. Referring to these documents and to previously unknown correspondence between Mazepa and the Russian head of foreign affairs Fyodor Golovin, the author reconstructs the position of the pro-Swedish part of the Polish elite towards Ukraine and Wolski's secret diplomatic mission. The latter was sent to Zamość at the beginning of October 1705. The secret instruction he was given was published in the 19th

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 15-01-00229 «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И. С. Мазепы. 1704–1708 гг.».

** Citation: Kochegarov, K. (2018). “What shall we do with Ukraine?”: Stanisław Leszczyński and Hetman Mazepa in 1705. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 2, p. 329–350. DOI 10.15826/qr.2018.2.299.

Цитування: Kochegarov K. “What shall we do with Ukraine?”: Stanisław Leszczyński and Hetman Mazepa in 1705 // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 2. P. 329–350. DOI 10.15826/qr.2018.2.299 / Кочегаров К. «Что делать с Украиной?»: Станислав Лещинский и гетман Мазепа в 1705 г. // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 2. С. 329–350. DOI 10.15826/qr.2018.2.299.

century, but we can now analyse it in light of new information about the verbal offers Wolski made to Mazepa. The author demonstrates that the verbal promises to keep Little Russia as part of the Polish-Lithuanian Commonwealth under Mazepa's rule and to appoint Mazepa as prince of Chernigov did not correspond to Polish-Swedish written obligations. Stanisław Leszczyński and his aids asked the Swedish court to transfer Left-bank Ukraine to the direct rule of the Polish king in case Russia ceded it. Considering this fact, it may be concluded that the Polish side tried to avoid any written declarations to Mazepa about keeping Ukraine under his rule after joining Charles XII and his Polish ally. It is very important that Mazepa completely denied any cooperation with Leszczyński and the Swedish king even before he got the originals of the secret documents that Wolski left in Lublin. Moreover, the investigation of the event, and the interrogation of Wolski in particular, were carried out under the observation and control of Russian officers at the hetman's headquarters. It proves that at the time Mazepa had no plans to support Leszczyński or Charles XII, staying loyal to the tsar as before.

Keywords: Northern War; Ivan Mazepa; Stanisław Leszczyński; Russian-Ukrainian relations; Franciszek Wolski's secret mission.

В ходе Северной войны в 1705 г. избранный при шведской поддержке польским королем Станислав Лещинский попытался перетянуть на свою сторону украинского гетмана И. С. Мазепу. В статье по сравнению с предыдущими работами историков значительно расширена источниковая база исследования. В научный оборот вводится ряд документов: проект политических преобразований на Украине, составленный в окружении С. Лещинского, а также протокол допроса его агента Ф. Вольского, отправленного к Мазепе. На основании данных находок и не известной ранее переписки Мазепы и руководителя русской внешней политики Ф. А. Головина реконструируется политико-дипломатическая позиция прошведской части польской элиты в отношении Украины, а также ход и результаты миссии Вольского. Последний был отправлен в ставку Мазепы под Замостьем в начале октября. Анализируется опубликованная еще в XIX в. данная ему секретная инструкция с учетом новых данных о сделанных Вольским устных предложениях Мазепе. Показано, что устные обещания о сохранении власти Мазепы над «Малой Россией» в составе Речи Посполитой и пожалования Черниговского княжества не находили никакого подтверждения в письменных обязательствах польско-шведской стороны. Сопоставляя их с планами Лещинского и его окружения добиться от шведов санкции на передачу Левобережной Украины (в случае ее отторжения от России) под прямое управление польского короля с образованием на украинских землях королевской экономии, следует заключить, что польская сторона намеренно стремилась избежать предоставления Мазепе письменных деклараций о сохранении его власти над Гетманщиной в случае перехода на сторону Карла XII и его польского союзника. Однако Мазепа отверг любое сотрудничество с Лещинским и шведским королем еще до получения оригиналов секретных документов, которые Вольский оставил в Люблине.

Розыск же по делу Вольского и его допрос были проведены под полным контролем российских офицеров в ставке гетмана. Все это свидетельствовало об отсутствии у Мазепы каких-либо замыслов поддержать Лещинского и шведов и о его лояльности по отношению к царской власти в тот момент.

Ключевые слова: Северная война; И. С. Мазепа; Станислав Лещинский; российско-украинские отношения; секретная миссия Ф. Вольского.

Несмотря на то, что в ходе Северной войны решающее противоборство разворачивалось между Россией и Швецией, для обеих стран стратегическое значение имело укрепление своих военно-политических позиций в шляхетской Польше. В 1704 г. Россия сумела заключить с Речью Посполитой союзный Нарвский договор. Однако вторгшиеся туда в том же году шведы выдвинули на престол Станислава Лещинского, которого провозгласила королем союзная им Варшавская конфедерация. Часть магнатов и шляхты, сохранившая верность королю Августу II, образовала Сандомирскую конфедерацию, придерживавшуюся союза с Петром I. Борьба Карла XII с Россией должна была способствовать оживлению у Станислава Лещинского и его сторонников мыслей о ревизии русско-польских отношений и о возвращении утраченных во второй половине XVII в. земель, для чего Лещинский и его сторонники пытались склонить на свою сторону гетмана Мазепу. В историографии мало говорится о том, каким образом польская сторона могла представлять восстановление власти над Украиной и какое место могло отводиться в подобных проектах уже существовавшим там сословно-политическим институтам.

В середине XX в. польский историк Юзеф Фельдман, автор популярной биографии Станислава Лещинского, обратил внимание на секретный меморандум, адресованный Карлу XII от имени его польского ставленника (Riksarkivet, Стокгольм). Он был написан, по всей видимости, осенью 1705 г., в преддверии польско-шведских переговоров о союзе, увенчавшихся заключением в ноябре Варшавского договора. Оценивая предложения шведского короля вернуть Речи Посполитой территории, уступленные некогда России, Станислав Лещинский предлагал передать их в пожизненное владение не шляхетской республике, а ему лично. Речь, с точки зрения Фельдмана, шла о территориях Левобережной Украины и Смоленщины, оставшихся за Москвой по Договору о вечном мире 1686 г. Обладание указанными землями должно было усилить внешне- и внутривнутриполитические позиции Лещинского, и он, соответственно, мог бы стать более полезным для интересов политики Карла XII. Наконец, это позволило бы шведскому ставленнику получить необходимое содержание для своего двора. В случае одобрения предложенного плана шведским королевским двором Лещинский предлагал не включать упоминания о нем в официальный польско-шведский трактат, а если и включать, то в весьма общих словах. Конкретные

же условия передачи ему Левобережной Украины и Смоленщины должны были быть сформулированы в отдельных секретных статьях. Показательно также, что реализация данного проекта должна была, по мнению шведского ставленника, «успокоить умы» жителей самой Левобережной Украины, и прежде всего гетмана Мазепы, которые, как отмечал Лещинский, на данный момент ставили под сомнение уровень поддержки его со стороны Швеции.

Юзеф Фельдман, анализируя указанный меморандум, обращал внимание в первую очередь на стремление С. Лещинского усилить личную власть, минимизировать свою зависимость от легальных республиканских институтов Речи Посполитой, противопоставив им «собственную армию и собственную казну». С опорой на это, а также при шведской поддержке Лещинский рассчитывал укротить своеволие магнатов, а также укрепить личное (и в перспективе – своих потомков) положение на польском троне, поскольку его возможная детронизация автоматически означала бы утрату Польшей вновь обретенных земель. Польский историк полагал, что план Лещинского не был одобрен шведами [Feldman, 1948, S. 44–46].

В контексте польско-украинско-шведских контактов указанный меморандум исследовал шведский историк украинского происхождения Богдан Кентржиньский [Kentschynskyj]¹. Однако, вопреки мнению Фельдмана, Кентржиньский полагал, что речь в указанном документе шла о передаче под власть Лещинского именно Правобережной Украины. Он характеризует меморандум как в высшей степени наивный и фантастичный, поскольку Мазепа де не согласился бы на отделение Правобережья от других территорий гетманской Украины. Шведский историк почему-то предположил, что в расчеты Станислава Лещинского входило сохранение власти Мазепы над возвращенной в состав Речи Посполитой Левобережной Украиной, хотя из цитируемых им фрагментов меморандума это никак не вытекает. Исследователь также полагал, что за утрату Правобережья Мазепа взамен должен был получить собственный княжеский удел на Северских и Белорусских землях [Кентржиньский, с. 230–232].

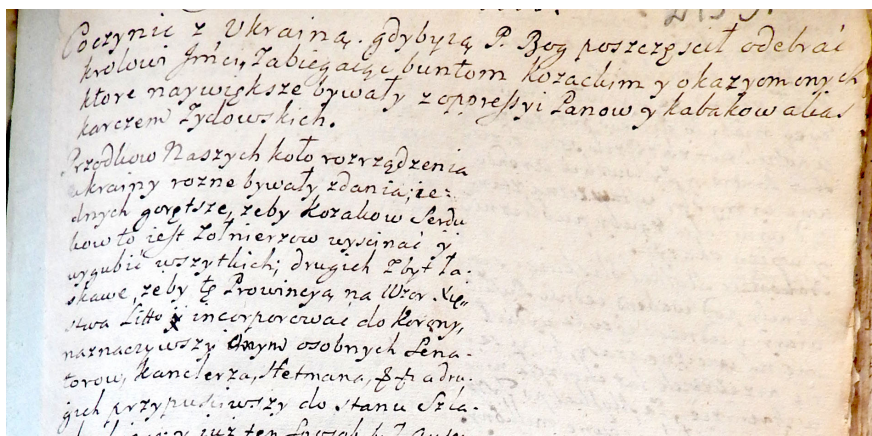
Сосредоточившись исключительно на украинских сюжетах, Кентржиньский не учел ряда важных обстоятельств, а именно того, что Лещинский не мог претендовать на полноту власти над Правобережной Украиной. Несмотря на вступление туда годом ранее казацких отрядов Мазепы, она формально являлась частью Речи Посполитой, а, следовательно, ее территория продолжала оставаться потенциальным объектом административных и политических практик шляхетского общества в рамках традиционных республиканских институтов. Вряд ли Станислав мог решиться в данном вопросе на конфликт,

---

¹ Указанный труд долгое время был редкостью в библиотеках стран Восточной Европы. Широкие круги историков данного региона получили возможность ознакомиться с ним после недавнего перевода книги на украинский язык [Кентржиньский]. Далее все ссылки даются по украинскому изданию.

который, несомненно, мобилизовал бы против него широкие слои шляхты и магнатов. Недостаточная аргументация рассуждений Кентржиньского была следствием отсутствия других исторических источников, которые могли бы помочь адекватно интерпретировать содержание секретного мемориала Лещинского.

Между тем, документ, который мог бы не только разрешить заочную полемику между Кентржиньским и Фельдманом, но и более развернуто представить планы Лещинского и его окружения в отношении Украины, существует. Речь идет о сохранившемся в Главном архиве древних актов Варшавы документе – записке, озаглавленной «Co robić z Ukrainą?» («Что делать с Украиной?») [AGAD. APP. Rps 134. K. 243–247] (прил.). Идеи, изложенные в ней, судя по всему, и легли в основу меморандума, поданного Лещинским Карлу XII. Упомянутый источник сохранился среди черновых бумаг видного политика – литовского подканцлера С. А. Шуки, который после 1704 г. был ближе скорее к сторонникам Станислава Лещинского, нежели к его противникам.

«Что делать с Украиной?» Фрагмент рукописи
“What shall we do with Ukraine?” Fragment of manuscript

Из сформулированного в заглавии записки вопроса следует, что в ней рассматриваются планы утверждения польской власти на Украине в случае, если бы Речь Посполитая смогла не только восстановить свой контроль на Правобережье, но и возвратить Левобережье. На территории первого планировалось воссоздать органы власти шляхетской республики в рамках Киевского и Брацлавского воеводств Речи Посполитой (что дополнительно опровергает предположения Б. Кентржиньского). Этим ограничивалась программа в отношении Правобережья. Остальной текст документа посвящен Левобережью.

В преамбуле записки констатируется наличие в шляхетском обществе двух подходов к решению казацкого вопроса. Первый, который можно условно назвать силовым, предполагал полное искоренение

казачества на Украине. Однако с опорой на предшествующий исторический опыт в записке делался вывод, что невозможно «истребить» столь многочисленный народ. В подтверждение этого приводилась известная поговорка, что «хоть посеи иезуитов на Украине, умножаться будут все равно опришки»².

Второй подход заключался в интеграции Украины по образцу Великого княжества Литовского в политическое пространство Речи Посполитой с назначением от нового «субъекта федерации» своих сенаторов, канцлера, гетмана и т. д. Таким «слишком милостивым» путем пошли в свое время, заключив в 1658 г. с гетманом И. Выговским Гадячский договор, но этот вариант, как констатировалось в документе, оказался нежизнеспособным из-за неприятия шляхетским обществом самой мысли об уравнивании в правах с благородным сословием людей «мужицкого» происхождения, когда в Сенат должны были войти «хлопы». Кроме того, реализации такого плана мирной интеграции препятствовало и само наличие на Украине гетмана, под командой которого служило войско в несколько десятков тысяч человек. Это могло в любой момент спровоцировать новое казачье восстание при малейшем подстрекательстве со стороны каждого недовольного королем и Речью Посполитой, о чем свидетельствовала бесконечная череда казачьих войн, произошедших в последние десятилетия. Вместе с тем признавалось невозможным и возвращение к старому социально-экономическому укладу, существовавшему до 1648 г., поскольку народные массы не в состоянии были далее сносить «лихоимство» панов и ухищрения евреев-арендаторов. Отмечалась и опасность со стороны «москаля», который, сблизившись с Украиной «под приманкой единой русской веры и одного языка», захватил ее на «вечные времена» даже не в результате войны, а согласно «пактам Гжимултовского и Огинского», то есть Вечному миру 1686 г.

В записке предлагался совершенно новый подход к урегулированию социально-политической ситуации на Украине, который должен был не только успокоить народ, но и обеспечить восстановление там именно польской власти, не предусматривавшей существование института автономного гетманства. Речь шла о создании специальной Украинской экономии, которая должна была перейти в полное распоряжение короля как «*Prowincia Oeconomica Regia*» («Провинция королевской экономии»). Особо подчеркивалось, что территория экономии должна была быть выведена из-под юрисдикции шляхетских сеймиков. Подобный шаг должен был принести двойную выгоду. Общественная польза состояла бы в том, что за счет средств экономии король мог бы содержать в порядке киевскую крепость с соответствующим гарнизоном. Кроме этого, целиком удовлетворялись частные интересы монарха, который получал возможность содержать свой

---

² Традиционное название повстанческих и разбойничьих отрядов, действовавших главным образом в Прикарпатье с разной интенсивностью в период XV–XIX вв.

двор, оплачивать содержание гвардии, придворных слуг, принимать и вознаграждать иностранных послов, раздавать милостыню, помогать солдатам и т. д. Подчеркивалось, что скудость королевской казны вредит вольностям шляхетской республики, провоцирует правителя на различные злоупотребления и несправедливости и в конечном итоге вызывает конфликт «*inter majestatem ac libertatem*» («между властью и вольностью»). Указывалось и на инфляцию – рост цен в три-четыре раза по сравнению с недавними временами – которая съедала и без того скудные королевские доходы.

Вышеописанная идея раскрывалась в четырех конкретных пунктах. Подданным экономии не должен был докучать излишний налоговый гнет, поскольку им полагалось бы платить лишь годовой «королевский налог» в размере трех золотых, что, тем не менее, в совокупности составило бы приличную сумму. При этом предусматривалось, что на ее территории могли быть как имения, принадлежавшие королю, так и земли частных владельцев, по-видимому, получавших их из рук монарха за службу. В первом случае король имел право получать со своих имений ко двору скот, медовые дани и иные выплаты. С «панских» (частных) же имений должен был бы платиться вышеуказанный общий налог в королевскую «кассу». Административное управление провинцией предполагалось организовать по образцу Герцогской Пруссии с разделением ее на округа во главе с наместниками. Одним из важных условий общественного спокойствия было недопущение на территорию новой провинции евреев-корчмарей. Вместо них стоило приглашать винокуров-христиан, которые могли бы приносить монаршей казне дополнительный доход.

В конце проекта была сделана приписка, что подобный опыт можно было распространить также на Стародубщину и Смоленщину (которые также планировалось отобрать у России), однако там осуществление подобной политики могло столкнуться с гораздо большими трудностями в связи с наличием в указанных регионах множества наследственных владельцев земли и крестьян.

Столь детально разработанный политический проект не получил полноценного воплощения в конкретных договоренностях со шведской стороной. Идеи, высказанные Лещинским в меморандуме и неизвестным автором в записке «Что делать с Украиной?», не были утверждены какими-то отдельными договоренностями, а все обязательства шведов по этому вопросу свелись к нескольким скупым строкам 8-й статьи Варшавского договора. Она предусматривала возвращение Речи Посполитой земель, утраченных в предыдущей войне (то есть Левобережной Украины и Смоленщины): «*Provinciae & loca aliqua munita, quae anteriori bello per Czarum Moscoviae Reipub. adempta sunt*» («Провинции и иные укрепленные места, которые в предыдущую войну царем московским у республики были отняты»). Однако условием этого должна была стать некая компенсация Швеции

за потраченные усилия³. Этой компенсацией должна была стать Курляндия, которую поляки не желали уступать, и сделавший на этом особый акцент Б. Кентржиньский полагал, что шведский двор в целях будущего политического торга не только не был особенно заинтересован в интенсификации польско-украинских контактов, но и мог якобы вполне серьезно рассматривать перспективу установления над Украиной власти Карла XII [Кентржиньский, с. 228–230].

Вопрос, насколько Гетманщина действительно интересовала шведскую сторону даже в качестве «залога» за получение Курляндии, является дискуссионным. По крайней мере, в 1705 г. шведский двор не проявил особого интереса к самостоятельным контактам с Мазепой, предоставив их польскому союзнику, что выглядело бы странно, если придерживаться версии о какой-то особой заинтересованности шведов украинскими делами. Между тем, попытки Станислава Лещинского и его ближайшего окружения прозондировать позиции украинского гетмана на предмет перехода на польско-шведскую сторону были предприняты уже в сентябре 1705 г., более чем за месяц до заключения Варшавского договора. Эти шаги, несомненно, лежали в русле практической реализации идей, выраженных в записке и меморандуме, которые были составлены в кабинетах Лещинского и его сторонников и уже анализировались выше.

Ю. Фельдман обратил внимание на некое донесение из Варшавы от 7 октября (27 сентября) 1705 г.⁴, хранящееся в Дрезденском архиве, в котором сообщается о направлении к Мазепе доминиканского монаха Баргинского с предложениями перейти на сторону шведов и Лещинского. Украинскому гетману якобы предлагались немалая сумма денег и первая вакантная должность воеводы Речи Посполитой (и, соответственно, место в сенате) [Feldman, 1925, s. 304]. Больше об этой миссии ничего не известно, и подробно исследовавший данный сюжет М. Андрусак резонно предположил, что речь в данном сообщении шла о миссии Франчишка Вольского, который действительно выехал к Мазепе в октябре 1705 г. и был арестован тем в лагере под Замостьем [Андрусак, с. 38]. Документы этой миссии из российских архивов частично изданы, однако источниковая база данного сюжета отнюдь не исчерпана. Не известные ранее источники, и в первую очередь протоколы допроса Ф. Вольского, позволяют существенно расширить наши знания о начале контактов гетмана и шведского ставленника на польском престоле.

Франчишек Вольский, по его собственному свидетельству, был слугой могущественного магната, владельца Замойской ординации Томаша Замойского. В конце лета 1705 г. он поехал в Варшаву по по-

³ Научного издания Варшавского трактата не существует. Цитата дана по современной событиям публикации договора на латинском языке, сохранившейся в Отделе старопечатных рукописей Исторического института Варшавского университета (ор cit.: [Foedus, s. 6]). Благодарю за указание на данный текст Я. Бурдовича-Новицкого.

⁴ Для дат, приводимых в источниках по новому стилю, в скобках указан старый стиль.

ручению своего господина, касавшемуся выплаты долга брата ордината Мартина ЗамоЙского шведскому королю. Финансовый вопрос решить не удалось, но зато в окружении Станислава Лещинского, к которому М. ЗамоЙский был близок, решили использовать Вольского как гонца к Мазепе. Судя по всему, выбор пал на него лишь потому, что он должен был возвращаться в Замостье к своему господину. Это освобождало бы его от вероятных подозрений при аресте разездами противника. Лещинский и его советники вынашивали планы похода на Замостье против располагавшихся там отрядов Мазепы сразу после коронации, которая состоялась 4 октября (24 сентября) 1705 г. Логичным в этих условиях представлялось угрозой вооруженного наступления попытаться склонить казацкого гетмана на свою сторону. Незадолго до коронации Лещинский дал Вольскому аудиенцию, после чего доверенные люди короля – коронный подконюший Владислав Пониньский⁵ и некий ксендз суффраган Межевский – объяснили суть предстоявшей миссии. Слуга ЗамоЙских получил два документа – незапечатанное письмо главы шведской походной канцелярии графа Карла Пипера Станиславу Лещинскому от 21 (10) сентября и секретную инструкцию от 23 (12) сентября, подписанную Адамом Радоньским, руководившим комнатной канцелярией Станислава. Инструкция была написана симпатическими чернилами, проступавшими при обработке раствором, который одновременно стирал верхний текст [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 15–18]. Последний являл собой проезжую грамоту с датой 23 (12) сентября от имени Станислава Лещинского, согласно которой Вольский якобы ехал по своим делам «в Ростоцкое староство» (так, по всей видимости, стоит трактовать выражение «*ad capitaneatum Rostoiensem*»)⁶, находившееся в Русском воеводстве и принадлежавшее, возможно, ЗамоЙским [Słownik, S. 799]. Реальным же прикрытием миссии служило письмо к Мазепе от брестского старосты Яна Фридерика Сапеги (текст не найден), который был сторонником Августа II и просил «о залоге на ево Сапегины маетности», то есть, видимо, хотел занять у гетмана денег под залог имений. Сам Сапега, по-видимому, был не в курсе миссии Вольского, и последний не мог пояснить, как его письмо оказалось у Станислава Лещинского [Там же. Л. 16–16 об.].

Вольскому следовало вручить Мазепе вверенные ему секретные бумаги только после разговора с казацким гетманом, если в ходе беседы тот выразит намерение «склониться» к польско-шведской стороне. На словах агент Лещинского должен был обещать гетману «многую волность как у них у шляхты бывает», а также посулить тому «быт князем черниговским и влодетелем всей Малыя Росии». В случае согласия на эти

⁵ О В. Пониньском см.: [Wagner, S. 547].

⁶ «Список пашпорту от Лещинского, короната шведского, данного Францишку Волскому под которого словами, zde переписом изображенными, в иншой материи тайное было писмо» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 57 об.].

условия Мазепе должны были оказать и военную помощь – дать «на оборону военных людей». Если бы украинский гетман принял предложения Лещинского, Вольский должен был направиться к королю с ответом, если нет – просто уведомить его об отказе почтой [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 16–18].

Судя по протоколу допроса, Вольский утверждал, что польско-шведские предложения Мазепе о Черниговском княжении, сохранении власти над «Малой Россией», о пожаловании польских вольностей и др., которые следовало передать устно, подкреплялись данными ему в Варшаве документами. Однако это было не так, и Вольский, судя по всему, знаком с их содержанием не был.

И инструкция Вольскому, и письмо К. Пипера давно изданы. Оригинал второго документа сохранился в шведских делах РГАДА как «перенятое» письмо [Там же. Ф. 96. Оп. 1. 1705 г. Д. 8. Л. 1–2 об.], будучи опубликован Н. Г. Устряловым более 150 лет назад, и изучался Б. Кентржинским, который по понятным причинам непосредственно с миссией Вольского его не связывал.

В указанном послании Пипер сообщал Лещинскому, что получил информацию и донес королю о планах его переговоров с «казацким князем» Мазепой. Он подчеркивал, что Карл XII одобряет все, что послужит к благу и выгоде Станислава в этом деле. При желании Мазепа мог направить шведскому монарху письмо или посланца с просьбой о гарантиях безопасности и с уверением, что готов перейти *«ad partes»* Станислава. Получив исчерпывающую информацию об условиях достигнутого Лещинским соглашения с гетманом, Карл XII выражал готовность утвердить их. Он не только гарантировал Мазепе «сохранение жизни, имущества и чести» (*«personam, fortunam ac honorem tuebitur»*), но и готов был принять под свою протекцию ближайших сподвижников гетмана [Устрялов, с. 355–356]⁷.

На данном этапе шведский двор рассматривал контакты с Гетманской Украиной как исключительную сферу ведения своего польского союзника, будучи готовым лишь поддержать те условия перехода Мазепы под власть Лещинского, которые тот сам сочтет необходимым предложить гетману. По всей видимости, именно по просьбе польской стороны Карл XII соглашался дать гарантии безопасности лично Мазепе и его ближайшим сподвижникам. Из документа никак не следует, что короля и его советников хоть как-то заботила судьба Гетманщины как политического образования. Стоит отметить, что шведская сторона не стала адресовать украинскому гетману послания ни от имени короля, ни даже от имени канцлера Пипера, ограничившись вышеупомянутым письмом⁸.

⁷ Письмо, судя по всему, датировано новым стилем (21 сентября), хотя в Швеции существовал свой календарь, отстававший от григорианского на десять дней. Перевод сохранился в малороссийских делах [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 51–52].

⁸ Ср. с интерпретацией Б. Кентржинского: [Кентржинский, с. 224–225].

Инструкция Вольскому была издана еще Д. Н. Бантыш-Каменским по современному переводу, сделанному в русской посольской канцелярии [Источники, с. 50–51]⁹, который отложился в малороссийских делах («Инструкция секретная, данная господину Волскому, от короля Станислава к господину Мазепе посланному» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 53–56]). Оригинал не сохранился (или пока не найден), хотя известно, что И. С. Мазепа переслал его Ф. А. Головину.

В инструкции обращает на себя внимание ряд обстоятельств. Уже во второй статье заявлялось, что Мазепе лучше договориться с польско-шведской стороной, нежели войско Карла XII «против Козаков рушитца». То есть украинского гетмана недвусмысленно ставили перед выбором: либо договор, либо вооруженное противостояние со шведами и Лещинским. Характерно также, что в инструкции раскрываются выгоды от возможного соглашения лично для Мазепы, тогда как казачья Украина вообще не упоминается. Наиболее содержательной была третья статья, в которой гетману обещали «несмертельную славу, которую воспримет из спокойства отчизне своей, всякую вольность, которая ему от маестата и Речи Посполитой дана будет, освобождения из-под владения тиранского, впоследствии награждение, какое сам себе желати будет». Учитывая первую статью, констатирующую, что «король весьма известен еще от деда своего, какую склонность к отчизне своей всегда имел господин Мазепа», следует заключить, что под отчизной и здесь, и в третьей статье подразумевается Речь Посполитая. Принеся ей успокоение отказом от вооруженного противостояния польско-шведским силам, украинский гетман взамен получал абстрактные обещания избавления от власти «тирана» и всякую «вольность» лишь для себя самого. Более того, гетману предлагалось прислать польские войска на Украину (столько, сколько он захочет), причем «на президиус» – то есть для гарнизонов, что подразумевало их постоянное там расположение. Впрочем, польская сторона отмечала, что «может сам господин Мазепа подать способы, которые ему для интересу Речи Посполитой, короля и себе *самого* полезны быти покажутся (курсив мой. – К. К.)». Достигнутые договоренности между С. Лещинским и Мазепой предлагалось скрепить отдельной «гарантией» Карла XII, подразумевавший обязательство включить их в качестве отдельного пункта в будущий мирный договор с Россией [Источники, с. 50–51].

Вольский выехал из Варшавы незадолго до коронации, однако вернулся, испугавшись казачьих разъездов. После коронации его опять принял С. Лещинский, и курьер повторно двинулся в путь 8 октября (28 сентября). Из осторожности он оставил секретные документы в Люблине у тамошнего почтмейстера, некоего Шульца, намереваясь привезти и показать их Мазепе в случае его согласия

---

⁹ На основе архивного оригинала документ пересказал Н. И. Костомаров [Костомаров, с. 277–279].

на сотрудничество с польско-шведской стороной. Прибыв в казачий лагерь под Замостьем, Вольский должен был связаться еще с одним польским агентом – неким Борковским [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 15 об. – 17 об.]. В данной ему инструкции даже отмечалось, что тому «до трактования с господином Мазепою дана полная мочь», но переговоры осложняются дальними расстояниями, в связи с чем лучше будет, если договор заключит и привезет в ставку Лещинского Вольский [Источники, с. 50]. Речь здесь, несомненно, идет о ком-то из польских родственников покойного генерального обозного Василия Борковского, с которыми сторонники Лещинского могли связаться ранее [Павленко, с. 176–178]. Однако поскольку Вольский увидеться с ним не сумел, подробности деятельности Борковского остаются неизвестными [РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 17 об.].

Франчишек Вольский прибыл в лагерь Мазепы под Замостьем 4 октября, попросив доложить о себе гетману генерального есаула Ивана Ломиковского. Мазепа принял его, Вольский вручил ему «лист» Сапеги и озвучил польские предложения в соответствии с инструкциями. Характерно, что Мазепа «против того ничего отповеди не учинил и выслал ево из намету», отправив к одному из своих приближенных греку Згуре Стилевичу [Там же. Л. 15 об. – 16 об.].

Вольский был арестован и отдан под караул находившемуся при гетмане русскому стольнику и полковнику Григорию Анненкову, а затем отправлен в полк думного дворянина С. П. Неплюева. Участие русских офицеров в аресте и допросе Вольского, его содержание под арестом именно в полку Неплюева имеют особое значение. Тем самым Мазепа, выражаясь современным языком, хотел сделать и расследование по делу Вольского, и свои отношения с ним максимально прозрачными для российских властей. С этой точки зрения показания польского агента, данные русским представителям при гетмане, вызывают доверие, так же, впрочем, как и свидетельства самого Мазепы.

На первом допросе 5 октября Ф. Вольский сначала отрицал свою шпионскую миссию, однако после пытки частично признал ее, заявив о существовании письма К. Пипера, которое он должен был отвезти Мазепе по распоряжению приближенных С. Лещинского. Гетман не удовлетворился полученными показаниями, и прибывшие в полк Неплюева 6 октября Анненков и генеральный есаул И. И. Скоропадский потребовали вновь допросить Вольского «с пристрастием». После подъема на «виску» (дыбу) тот сообщил все, что знал, и самое главное – про оставленную в Люблине секретную инструкцию от Лещинского [Там же. Л. 15–18].

Русскому правительству в лице Ф. А. Головина Мазепа сообщил о миссии Вольского уже в письме от 4 октября. Гетман писал, что отослал Вольского в полк Неплюеву, «жебы никому тое не было ведомо, где поделся», обещая завтра выслать его «до двору монаршого». Он сообщил и об обращенных к нему речах Вольского: «Елиект

(Станислав Лещинский. – К. К.) мне князство Малороссийское оферует, а Войску Запорожскому вдвое волностей прибавку, и будто его оба два короли, шведский и елиект, в покою сидячи, тайно, никому не объявляючи, ку мне з Варшави виправили его, а на то все особливую свою корол шведский видал кон[фирмацию]» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1450. Л. 4–4 об.]¹⁰. Изложение это в целом совпадает с протоколом допроса, за исключением отдельных деталей. И если трактовки таких обещаний польско-шведской стороны, как Черниговское княжение, владение всей Малой Россией с одной стороны (Вольский), и Малороссийское княжество (Мазепа) с другой, в целом по смыслу тождественны, то что касается пожалования вольностей – здесь расхождения более существенны. Мазепа, интерпретируя высказанные ему Вольским предложения на этот счет, представил их как прибавку вольностей Войску Запорожскому «вдвое», из чего логично следовало бы, что расширены они должны были быть по сравнению с нынешним положением дел, которое существовало в условиях нахождения Украины под царской властью. Гетман осторожно намекал представителям русских правящих кругов на актуальность и важность соблюдения комплекса писаных и неписаных правил, установившихся в отношениях между Россией и Войском Запорожским. Трудно, впрочем, судить, было ли это как-то воспринято в царской ставке, и имел ли указанный намек вообще какое-то значение.

13 октября гетман Мазепа выслал уже более официальные и обстоятельные сообщения о деле Вольского царю Петру I и Ф. А. Головину. В послании государю Мазепа вспоминал о прежде делавшихся ему предложениях изменить русскому самодержцу и уверял в своей верности, обещая хранить ее «до последнего... издыхания» [ПБИБВ. Т. 3. С. 1012–1014]. В письме руководителю русской внешней политики Мазепа, вроде бы выполняя данное ранее обещание, сначала сообщал, что высылает Вольского «при нарочном конвою» и «замкнувши оного в палубе (тяжелой повозке. – К. К.), чтоб никто его не видел и не знал, и не видел его при добром приставу»; а в месте с ним записи «з словесной его мови, яко з роспросных речей з спитки (пытки. – К. К.) на письме особном выраженных» [РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1455. Л. 1–2]. Однако тут же по написании письма царю Мазепа рассудил, что отправлять Вольского сейчас опасно, поскольку «прелестника на дорозе где в яком местечку или селе люде, албо якая шляхта, найбарзей з служалих людей так гетманов, яко референдара коронних, котории немалими купами кгусто за збожем и кормами конскими проеджаются», могут отбить у гетманских посланцев. Поэтому Мазепа решил «з посылкою» агента Лещинского задержаться впредь «виразного его великого государя указу», ограничившись отправкой

¹⁰ Эту информацию И. С. Мазепа продублировал и А. Д. Меншикову [Батурицкий архив, с. 196]. Именно по этому тексту восстановлено слово «конфирмация», которое по каким-то причинам в письме Головкину не было написано полностью.

протоколов допроса. До тех пор посланник Лещинского должен был находиться под стражей у С. П. Неплюева. Все это излагалось в приложенной к письму цедуре [РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 1455. Л. 3].

Спустя неделю Мазепа сообщал, что все-таки добыл «прелестнии короната шведского и канцлера шведского ж короля, Пепера, письма». Причем первая попытка оказалась неудачной – люблинский почтмейстер отказался их выдать, «поведаючи, если, мовит, видам, то мое в том горло, поневаж то великий секрет». Однако когда Мазепин посланец прибыл второй раз с сотней «червоных золотих» и парой «соболей добрих», почтмейстер, «прелстившись датком», отдал послания [Там же. Д. 1457. Л. 1–2 об.] (перевод см.: [Там же. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 47–49 об.]). Чтобы получить в свое распоряжение текст секретной инструкции Лещинского, Мазепе пришлось заставить Вольского «проявить» его. «Но когда, – писал Мазепа, – тепер тот прелестник некаяк водкою з собою ж привезеною и изгубною натер, тогда обиклое чернило и речь подорожного листа стерлися, а летери и характер тим тайним чернилом написании, якии сут, и тепер zostалися». Гетман подчеркивал, что высылает к царскому двору не только оригиналы писем Пипера и Лещинского, но и список с текста подорожной грамоты Вольскому, который по понятным причинам не сохранился [Там же. Д. 1457. Л. 1–2 об.] (перевод см.: [Там же. Оп. 1. 1705. Д. 3а. Л. 47–49 об.]).

Анализ миссии Вольского демонстрирует существенную разницу между письменными обязательствами, которые готова была принять на себя польско-шведская сторона, и устными заверениями, данными Мазепе посланцем Лещинского. И письмо Пипера, и инструкция Лещинского сочетали недвусмысленные гарантии для Мазепы и его ближайших сторонников с весьма расплывчатыми обещаниями касательно всего остального. Через инструкцию вообще красной нитью проходит тезис, что все предложения польской стороны касались исключительно позиций украинского гетмана, и даже встречные пожелания казацкого вождя, по мысли польских политиков, должны были касаться только его самого. Никакого намека на последующую судьбу института гетмана и Запорожского Войска как политической организации в инструкции не содержится. Все это логично сочеталось с существовавшими в окружении Лещинского планами по созданию королевской экономии на Левобережной Украине.

Однако в Варшаве понимали, что подобные предложения могут быть привлекательны для Мазепы лишь в гораздо более критической ситуации, которая угрожала бы ему потерей булавы или даже жизни, а речь об этом в настоящий момент не шла. Поэтому не случайно Вольскому было поручено сделать ряд гораздо более заманчивых и конкретных устных заявлений и для гетмана, и для казацкой старшины. Поскольку на письме они не обозначались, то впоследствии их можно было встроить в генеральный план передачи Украины Станиславу Лещинскому: казаки получали вольности, а Мазепа – Чернигов-

ское княжество в рамках новоучрежденной королевской экономии, признавая таким образом верховную власть польского короля. Все это, несомненно, предопределяло деградацию статуса Гетманщины как автономной единицы, за счет которой шведский ставленник собирался укрепить в Речи Посполитой собственные позиции. Между тем, планы эти просматривались только в перспективе, тогда как на данный момент, разрабатывая после коронации планы по активизации военных действий против России, польско-шведской стороне было жизненно важно ослабить ее украинский фланг, переманив Мазепу на свою сторону угрозами военного давления в сочетании со «сладкими» обещаниями (включая и малороссийское княжение), от которых потом с легкостью можно было отказаться, либо осуществить их частично, в определенной мере формально. Степень их реализации зависела бы от военных триумфов Карла XII, и чем более очевидная победа была бы одержана над Петром I, тем менее польский союзник Швеции мог принимать в расчет интересы украинского гетмана, «забыв» об устных декларациях, данных к тому же через посредство такой малозначительной персоны, как Вольский.

Мазепа как искушенный политик и осторожный дипломат должен был понимать утопичность всех этих предложений, которые в лучшем случае не сулили ему существенных выгод, а в худшем – грозили серьезной утратой социально-политических позиций. Характерно, однако, что гетман передал русским офицерам Вольского даже до того, как ознакомился с содержанием привезенных им документов. Все это особенно ясно подчеркивает, что Мазепа на данном этапе без колебаний отверг любые планы сотрудничества с Лещинским и шведами, не видя в нем никаких перспектив. «Синица в руках» в виде царской власти над Гетманщиной представлялась ему явно выгодней.

* * *

Русское правительство в 1705 г. не придало инциденту с Вольским особого внимания. Петр I написал гетману короткое письмо, выразив удивление, что Мазепа все еще «во искушение» принимает «воровские инвенции» Лещинского, «которым иначе делать невозможно по слову Христову: не может древо зло плодов добрых творити, ибо сей Лещинской, яко изменник и воров сын, к вам с сим подослан». Государь советовал Мазепе не рефлексировать по поводу случившегося, но употребить все старания в деле введения в Замостье царского гарнизона [ПБИПВ. Т. 3. С. 474–475]. Руководитель русской дипломатии Ф. А. Головин в своем письме похвалил Мазепу за «верную службу и осторожность», подчеркнув, что царь «всегда крепко и несумнительно надежен» на гетманскую преданность [Там же, с. 1014–1015].

«Украинская» политика Станислава Лещинского и его окружения в 1705 г. характеризовалась весьма завышенными ожиданиями. Поддержки шведского двора было явно мало, чтобы побудить украинское

казачество склониться на польскую сторону. Перспективы полной победы над Петром Великим и его польскими союзниками из Сандомирской конфедерации были весьма туманны. Однако даже в этих условиях новоявленный король и его советники не сочли нужным искать соглашения с казачеством хотя бы на платформе Гадячской унии, положения которой были им известны и, более того, однозначно отвергнуты в рассмотренном выше проекте. Проблемы укрепления собственной власти за счет украинских земель оказались для Лещинского важнее. И, видимо, поэтому, несмотря на полный провал умело организованной миссии Вольского, «шведский коронат», как называл его Мазепа, не отказался от своих планов в отношении украинского гетмана. Уже в следующем 1706 г. в дело вступила тайная дипломатия княгини Анны Дольской.

В приложении публикуется ранее не известный источник – польский трактат «Что делать с Украиной?» Публикация осуществлена в соответствии с рекомендациями польских археографов [Instrukcja], перевод автора статьи.

Приложение

Около 1704–1705 гг. Польский проект обустройства украинских земель после возвращения их под власть Речи Посполитой

(K. 243)¹¹ Co czynić z Ukrainą, gdyby ją P. Bóg poszczęścił odebrać królowi Jmci, zabiegając buntom kozackim i okazjom onych, które największe bywały z opresji panów i kabaków *alias* karczem żydowskich.

Przodków naszych koło rozrządzenia Ukrainy różne bywały zdania, jednych gorętsze, żeby Kozaków, serduków to jest żołnierzów wyścinać i wygubić wszystkich, drugich zbyt łaskawe, żeby tę prowincję na wzór Księstwa Lit[ewskiego] inkorporować do Korony naznaczywszy onym osobnych senatorów, kanclerza, hetmana etc., a drugich przypuściwszy do stanu szlacheckiego, i już ten sposób był autentykowany Paktami Hadziackimi aprobowanymi przez Rzp[ę]t[ę] i wprowadzonymi w konstytucję koronną. Pierwszy sposób nie mógł przyjść do skutku, bo się zdał być nie chrześcijański i prawie niepodobny; naród tak wielki wygubić, a do tego, że o tym kraju taka opinia, iż sama ziemia ludzi złych rodzi; ztąd przysłowie, że choćby w Ukrainie jezuitów posiał, to się opryszkowie mnożyć będą.

Nie mógł przyjść i drugi sposób do skutku, bo zbyt wysoko podnoszący ludzi stanu chłopskiego i bezdusznego: i zdało to¹² się coś cudownego, wprowadzać chłopów, grubianów w senat polityczny i stan rycerski krwią zacząć i dawnymi prerogatywami zaszczycający się. I tak z obojgami, bo obiedwie rady nie były pomiarkowane w zbyteczności, to jest *ad duo extrema* idąc.

¹¹ Перед заголовком документа помещены «+» и ряд заглавных букв, предположительно читающихся как «J M J A A S P J G S S S». Значение данного сокращения выяснить не удалось. Возможно, это сокращенное именование титула либо стандартизированного обращения.

¹² Слово вписано поверх строки.

Nad to drugi sposób był i niebezpieczny, bo któżkolwiek byłby hetmanem ukraińskim, mogąc mieć kilkadziesiąt tysięcy Kozaków za łada okazyją abo poduszczeniem malkontenta (k. 244) którego Pana mógłby zawsze królowi i Rzptej szkodzić, jako to już ekzemplifikowały nieszczęśliwe wojny kozackie.

Poszło zatym, że gdy w tej prowincyi nie było dobrego rozrządzenia, a pospolstwo zbrzydziło sobie zdzierstwo panów i żydowskie arendowne wymysły, ustawiczna stamtąd wynikała zguby publicznej i wojen okazyja.

W tym¹³ Moskal bliskując się do niej pod wabem jednej Ruskiej wiary i jednego języka wydarł onę na wieczne czasy, bo przecie przez wiele lat chodziła niby w arendzie, że Moskal po trzykroć musiał dać pewne miliony, a ta się krzywdą stała i wydarcie nie przez wojnę, ale przez Pakta Grzymułtowskiego i Ogińskiego. Kto by tedy chciał widzieć tę prowincyję za powrotem onej do Rzptej w szczęśliwszym stanie i z jakimkolwiek pożytkiem Rzptej, abo królów panów naszych, zda się być rzecz nieodbita, ażeby ta prowincyja udziałem chodziła od rządów polskich sejmikowych. Dać ją zaś komu czy to tytułem komisarza, czyli gubernatora lub starosty zda się wpadać w toż niebezpieczeństwo, co i od hetmana.

Więc póki się nie znajdzie doskonalszy sposób, czemu by tego nie wziąć przed się, zostawić z tej strony Dniepru Ukrainę wszystką przy swoich w[o]jewództwach tak, jako teraz jest, a Zadnieprską Ukrainę wszystką in *prowinciam distinctam erigere*¹⁴ pod rządem i dependencyją samego króla i nazwać ją *Prowincia Oeconomica Regia*, dwa z niej pożytki formując, publiczny i królewski. Naprzód publiczny¹⁵ (k. 245), żeby król Jmć z niej trzymał fortecę kijowską w jak najlepszym porządku i *praesidium* wedle potrzeby zawsze chował. Potym królewski, żeby król mógł mieć wsparcie jakie na dwór, stół i życie królewskie, bo statutowe dawne i bardzo potrzebne prawo jest: «*ne princeps egeat*». A czemuż i na co tak poprostu przodkowie nasi napisali, bo wiedzieli bardzo dobrze, że jeżeli *princeps egebit*, to musi sposobów szukać na wsparcie swoje, a stąd zaraz go nazwie łakomym abo niesprawiedliwym *libertas*, i tak gotowa okazyja suspicyi, krzymacyi, zwady *inter m[ajes]t[at]em i libertatem*. Skąd wszystko złe w Rzptej wolnej.

Teraz że uważać jako też u nas opatrzony król, *ne egeat*. Za gospodarstwem króla s.p. Jana dość ostrożnym, krzepkim i utrzymującym, wszystek dochód królewski nie mógł dociągać półtora milionów szelągowych.

A jest że to podobna żeby król z tego mógł i gwardie swoje sustentować i odziewać, dworzan chować, pensje płacić, posłów cudzoziemskich przyjmować i regalować, obozy utrzymywać, jałmużny dawać, potrzebnych opatrować żołnierzy, świadczyć i milion innych expens odbywać?¹⁶ Ale kto zarzuci: „tak przed tym było, a po staremu kontentowali się królowie”. Nie wiem, czy kontentowali się i czy nie biegano często skąd dostać na kuchnię. Ale na ten zarzut dość responsu, że insze *pretia rerum* przed tym były, wina garniec – dwa złote, atlasu sukna dobrego łokieć¹⁷ – najwięcej trzy złote. (k. 246) Teraz wszystkich rzeczy *pretia* poszły w górę, więcej niż *in tripulum*, abo *quadruplum*. A po staremu królowi też sumą kazać się kontentować, *quae sustitia*?

¹³ Написано вместо зачеркнутого «Наконіес».

¹⁴ Слово вписано над строкой с указанием места вставки.

¹⁵ Слово повторяется в начале следующего листа.

¹⁶ Написано вместо зачеркнутого: «wytzymywać».

¹⁷ Вписано над строкой с указанием места вставки.

A zatem żaden nie powinien zająrzeć ani przeszkadzać tego przyczynku z Ekonomiej Ukrainnej, ile kiedy stąd i *publicum bonum* rezultat nie tylko utrzymanie Kijowa, ale i samej prowincyj w dobrym rządzie i ku pożytkowi całej Ojczyzny. Tak tedy prowincję tę wydzieliwszy w administracyją i ekonomią królewską, idzie pierwsza kwestia, co z niej za intrata być może? Odpowiadam, że nie czyniąc żadnej ciężkości ludziom, włożywszy roczny królewski podatek, na wszystkie ogółem dymy trzy tylko złote tameczne, co czyni taler bity, wyniesie tyle tysięcy talerów bitych, ile dymów, a wierzyć potrzeba, że¹⁸ jest kilkakroć stu tysięcy dymów, bo tam nie po polsku według abiuratu, ale każdy dym za dym się rachuje¹⁹.

Idzie druga kwestia. Jako z pańskich dóbr ten podatek dadzą? Odpowiadam: tak jak i w Polsce, bo wszystkie dobra pańskie podatek publiczny i nierównie większy płacą, gdyż²⁰ i ten będzie publiczny, ale wchodzący do kasy królewskiej. Lepiej by jednak było, gdyby można zbyć się panów *quocumque pretio vel moda*, bo też tam nie mają tylko lenności.

Idzie kwestia trzecia, jako tam rządzić? Odpowiadam: wolno dobremu rządcy i gospodarzowi jaki chceć wziąć sposób, zdał by się jednak najlepszy brandeburskich Prus, rozdzielić *per territoria* wszystkę ziemię i starostów abo namiestników osadzić *salariatos* tymże przykazawszy wszelką sprawiedliwość i żydów niedopuszczanie (k. 247).

Idzie czwarta kwestia: ktoż kabaki *alias* karczmy administrować i liquory prowidować będzie bez żydów? Odpowiadam: pisarzów i winników chrześcian chować, a stąd nowy znaczny prowent być może do skarbu królewskiego, jako i zosobna może być jeszcze trzeci prowent z dóbr *mere* królewskich, nie szlacheckich, ani pańskich, które do samego króla należeć²¹ powinny, to jest czynsze, bydła, miody etc.

NB. O Smoleńsku i Starodubie nie wiem jeżeli to może *practicari*, bo tam bardzo wiele szlachty i zdadzą się na własnych dziedzictwach swoich siedzieć. Atoli gdyby w też ordynansy weszły, to by ten że porządek i też intrata, co się wyżej namieniło, być mogła [AGAD. APP. Rkps 134. K. 243–247].

Перевод

*Что делать с Украиной, если Господь Бог соблаговолит ее вручить
ее милости королю, предотвратив казацкие бунты и причины к оным,
которые наиболее сильными были из-за тягот от панов и кабаков
или, по-другому, еврейских корчем*

Наши предки высказывали различные мнения касательно управления Украиной, одни – более резкие, о том, чтобы казаков, сердюков, то есть солдат, вырезать и истребить всех, другие – более мягкие, чтобы провинцию

¹⁸ Далее идет зачеркнутое слово «там».

¹⁹ *Abiurata* – декларируемое шляхтичем под присягой число дымов (хозяйств) либо ланов пахотных земель, которые облагались налогами. Поскольку реальный контроль и проверка подобных реестров были невозможны, шляхта всеми силами стремилась снизить налогооблагаемую базу, указывая в них наименее возможное число дымов или ланов. Отсюда и ирония автора трактата.

²⁰ Слово вписано над строкой с указанием места вставки вместо слова «во».

²¹ Далее идет зачеркнутое слово «nie».

инкорпорировать по образцу Великого княжества Литовского с Короной, назначив им отдельных сенаторов, канцлера, гетмана и так далее, а остальных допустив в ряды шляхты. Последний путь был уже реализован Гадячским пактом, одобренным Речью Посполитой и включенным в состав коронной конституции. Первый способ не мог быть осуществлен, так как и не по-христиански это, и невозможно истребить столь многочисленный народ. Да и вообще о стране этой существует такое мнение, что сама земля там плохих людей рождает, отсюда и пословица, что хоть посей иезуитов на Украине, умножаться будут все равно опишки.

Не мог привести к какому-либо результату и второй способ, ибо слишком высоко вознеслись бы люди бездушного мужицкого сословия, уж слишком дивно было бы вводить мужиков и грубиянов в благородный сенат и сословие рыцарское, гордящееся благородной кровью и древними привилегиями. Так, имелись эти два мнения, каждое из которых не было свободно от крайностей, являя собой две противоположности.

Кроме того, второй способ был и опасен, поскольку кто бы ни был украинским гетманом, имея несколько десятков тысяч казаков, по любому поводу или по наущению какого-нибудь смутьяна всегда бы мог королю Речи Посполитой вредить, несчастными примерами чего были казацкие войны.

Итак, когда не было в той провинции хорошего устройства, а простолюдины ненавидели лихоимство панов и ухищрения еврейских арендаторов, возникла там постоянная причина для войн и всеобщей гибели.

Потому и москаль, сближаясь с ней под приманкой единой русской веры и одного языка, захватил оную на вечные времена, хотя прежде много лет была она как бы в аренде, и москалю за это трижды пришлось выплатить несколько миллионов. А это несчастье случилось не в результате войны, но на основании пакта Гжимултовского и Огинского. Любой, кто бы хотел видеть эту провинцию возвращенной Речи Посполитой, в процветающем состоянии и приносящей пользу Речи Посполитой или нашим государям и королям, должен признать несомненно, что должна она быть уделом, свободным от власти польских сеймиков. И даже передача ее кому-то в управление с титулом комиссара или губернатора либо старосты означала бы ту же опасность, что и в случае назначения гетмана.

Таким образом, пока не найден будет совершенный метод, почему бы не предпринять следующее, а именно с этой стороны Днепра всю Украину оставить в границах своих воеводств так, как и теперь есть. Заднепровскую же Украину учредить как отдельную провинцию под управлением и властью самого короля и назвать ее Провинцией Королевской Экономии, получая с нее двойную пользу – и для монарха, и для всего общества. Сперва скажем об общественной пользе, суть которой в том, что король из доходов провинции будет содержать киевскую крепость в наилучшем состоянии, обеспечив ее необходимым гарнизоном. Королю же польза в том будет, что получит он средства на содержание двора, стола и обеспечение своей жизни, ибо в статутах древний и полезный закон есть: «Государь ни в чем не должен нуждаться». Наши предки написали это не с какой иной целью, а только зная очень хорошо, что ежели правитель

будет нуждаться, то должен искать средства на собственное содержание, что тут же дает повод назвать его охочим либо несправедливым до чужих свобод, и вот уже готов случай для подозрений, обвинений и конфликта между королевской властью и шляхетскими вольностями. Отсюда и всякое зло в свободной Речи Посполитой. Следует рассудить и о том, как у нас обеспечен король, который не должен нуждаться. Даже при хозяйствовании святой памяти короля Яна, которое было осмотнительным, крепким и экономным, весь королевский доход не дотягивал до полутора миллионов злотых.

И разве возможно, чтобы король с этого мог гвардию свою кормить и одевать, заботиться о придворных, пенсии платить, принимать и награждать иноземных послов, содержать военные лагеря, раздавать милостыню, заботиться о заслуженных солдатах, осуществлять еще миллион разных трат? Если кто возразит: «Так и прежде было, что по-старому удовлетворялись во всем короли», то уж и не знаю, удовлетворялись ли, и не случалось ли так, что суетились в поисках денег на кухню. На такой упрек достаточно будет ответить, что цены на товары прежде были иными, гарнец вина стоил два золотых, локоть хорошего атласу – самое большое три золотых. Теперь же на все цены пошли вверх, увеличившись более чем в три, а то и в четыре раза. А по-старому король должен удовлетворять свои нужды той же суммой; какое же это содержание?

И поэтому никто не должен ни возражать, ни отвергать пользы от Украинной экономии, ибо она принесет плоды с точки зрения публичного блага в виде содержания не только Киева, но и всей провинции в добром порядке и к пользе всей Отчизны. Выделив таким образом эту провинцию в администрацию и экономию короля, следует поставить первый вопрос: какой доход она может принести? Отвечаю, что, не чиня людям никаких тягостей, следует обложить их ежегодным королевским налогом, со всех вообще дымов лишь по три золотых, что составляет битый талер. Всего сумма составит столько тысяч талеров, сколько есть дымов, тем более что достоверно известно о существовании там нескольких сотен тысяч дымов, которые считаются не по-польски в соответствии с шляхетскими реестрами, а каждый дым считается за дым.

Далее второй вопрос. Как с панских имений будет браться данный налог? Отвечаю: так, как и в Польше, поскольку все шляхетские имения общественный налог неизмеримо больший платят, тем более что указанная подать также будет считаться общественной, просто собираться будет в королевскую казну. Однако еще лучше было бы от панов в будущем там и вовсе избавиться, за любую цену или всяким возможным способом, поскольку и теперь их там нет, остались лишь владения.

Далее третий вопрос: как там править? Отвечаю: хотя хороший правитель и хозяин свободен в выборе методов правления, лучшим кажется образец Бранденбургской Пруссии, что значит разделить на отдельные территории все земли и старост или наместников с жалованьем назначить, наказав им быть справедливыми и евреев туда не пускать.

Далее четвертый вопрос: кто же кабаки или корчмы содержать и спиртное производить будет без евреев? Отвечаю: необходимо подготовить винокуров и писарей из христиан, из чего и новая большая прибыль будет королевской казне, а отдельно может быть и еще одна, третья статья дохода, а именно с имений собственно королевских, не шляхетских, не магнатских, которая должна будет самому королю принадлежать, то есть чинши, скот, медовые дани и так далее.

Что касается Смоленска и Стародуба, то не знаю, может ли быть полезным данный способ, поскольку там очень много шляхты, которая и далее будет сидеть в своих наследственных имениях. Но если бы и на них распространился указанный план, то и там тот же порядок и те же доходы, о которых речь шла выше, возникнуть бы могли.

Список литературы

Андрусак М. Звязки Мазепи з Станиславом Лещинським і Карлом XII // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 152. Праці історично-філософської секції / під ред. І. Крип'якевича. Львів : Накладом товариства, 1933. С. 35–61.

Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. / рук. проекта и сост. докт. ист. наук Т. Г. Таирова-Яковлева ; отв. ред. канд. ист. наук Т. А. Базарова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 480 с.

Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантышем-Каменским и изданные О. Бодянским : в 2 ч. М. : Университет. тип., 1859. Ч. 2. 1691–1722. 340 с.

Кентржинський Б. Мазепа. Київ : Темпора, 2013. 496 с.

Костомаров Н. И. Мазепа // Костомаров Н. И. Историческія монографіи и изслѣдованія : в 20 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. Т. 16. 752 с.

Павленко С. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ : Вид. дім «КМ Академія», 2004. 602 с.

ПБПВ. Т. 3. 1704–1705. СПб. : Гос. тип., 1893. XXXI + 1065 + LXIV с. Т. 5. Январь – июнь 1707. СПб. : Гос. тип., 1907. XXVI + 764 + LXXXII с.

РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1705. Д. 3а; Оп. 3. Д. 1450, 1453, 1455, 1457; Ф. 96. Оп. 1. 1705 г. Д. 8.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великаго : в 6 т. СПб. : Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1863. Т. 4. Ч. 2. Приложения. 672 + XXIX с.

AGAD. APP. Rps 134.

Feldman J. Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków : Nakładem Polskiej akademii umiejętności, 1925. 318 s.

Feldman J. Stanisław Leszczyński. Wrocław ; Warszawa : Książnica-Atlas, 1948. 256 s.

Foedus inter Sacram Regiam Majestatem atqve Rempubicam Poloniae et Sacram Regiam Majestatem Sveciae Conclusum Varsaviae in Coenobio Carmelitarum Disalceatorum die XVIII–XXVIII mensis Novembris Anni MDCCV. Warszawa (?) : [S. n.], 1705. URL: <http://www.starodruki.ihuw.pl/stWeb/single/272/> (mode of access: 16.09.2017).

Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI – do połowy XIX w. / przedm. K. Lepszy. Wrocław : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1953. 65 s.

Kentrschynskij B. Mazepa. Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1962. 538 S.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / pod red. B. Chlebowskiego, W. Walewskiego. Warszawa : nakładem W. Walewskiego, druk. «Wiek», 1888. Т. 9. 960 s.

Wagner M. Poniński Władysław // Polski słownik biograficzny. Т. 27/3. Zeszyt 114. Poniatowska Helena – Popowski Józef / red. naczelny E. Rostworowski. Wrocław ; Warszawa ; Kraków, Gdańsk ; Łódź : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1983. S. 547–548.

References

- AGAD. APP. Rps 134.
- Andrusyak, M. (1933). *Zvyazki Mazepy z Stanislavom Leshchins'kim i Karlom XII* [The Relationship between Mazepa and Stanisław Leszczyński]. In Kripyakevich, I. (Ed.). *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. Vol. 152, Pratsi istorichno-filosofichnoi sektsii, L'viv, nakladom tovaristva, pp. 35–61.
- Bantysh-Kamenskii, D. N. (Ed.). (1859). *Istochniki malorossiiskoi istorii, sobrannye D. N. Bantyshem-Kamenskim i izdannye O. Bodyanskim v 2 ch.* [Sources of the History of Little Russia, Collected by Dmitry Bantysh-Kamenskiy and Published by Osip Bodyanskiy. 2 Parts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Part 2. 1691–1722. 340 p.
- Chlebowski, B., Walewski, W. (Eds.). (1888). *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Warszawa, nakładem W. Walewskiego, druk „Wieku”. T. 9. 960 p.
- Feldman, J. (1925). *Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709*. Kraków, Nakładem Polskiej akademii umiejętności. 318 p.
- Feldman, J. (1948). *Stanisław Leszczyński*. Wrocław, Warszawa, Książnica-Atlas. 256 p.
- Foedus inter Sacram Regiam Majestatem atqve Rempubicam Poloniae et Sacram Regiam Majestatem Sveciae Conclusum Varsaviae in Coenobio Carmelitarum Discalceatorum die XVIII–XXVIII mensis Novembris Anni MDCCV.* (1705). Warszawa (?), S. n. URL: <http://www.starodruki.ihuw.pl/stWeb/single/272/> (mode of access: 16.09.2017).
- Kentschynskij, B. (1962). *Mazepa*. Stockholm, Wahlström & Widstrand. 538 S.
- Kentzhyn'skii, B. (2013). *Mazepa* [Mazepa]. Kiiv, Tempora. 496 p.
- Kostomarov, N. I. (1885). *Mazepa* [Mazepa]. In Kostomarov, N. I. *Istoricheskaya monografiya i izsledovaniya v 20 t.* [Historical Monographs and Studies. 20 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol 16. 752 p.
- Lepszy, K. (Ed.). (1953). *Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI – do połowy XIX w.* Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich. 65 p.
- Pavlenko, S. (2004). *Otochennya get'mana Mazepy: soratniki ta pribichniki* [Mazepa's Circle. Companions and Partners]. Kiiv, Vidavniczii dim “Kievo-Mogilyans'ka Akademiya”. 602 p.
- PBIPV* [Letters and Papers of Peter the Great. 13 Vols]. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. Vol. 3. 1704–1705. XXXI + 1065 + LXIV p. Vol. 5 January – June 1707. XXVI + 764 + LXXXII p.
- RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 124. List 1. 1705. Dos. 3a; List 3. Dos. 1450, 1453, 1455, 1457; Stock 96. List 1. 1705. Dos. 8.
- Tairova-Yakovleva, T. G., Bazarova, T. A. (Eds.). (2014). *Baturinskii arkhiv i drugie dokumenty po istorii Ukrainskogo getmanstva 1690–1709 gg.* [Baturin's Archive and Other Documents on the History of the Ukrainian Hetmanate 1690–1709]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 480 p.
- Ustryalov, N. G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikago v 6 t.* [The History of Peter the Great's Reign]. (1863). St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii. Vol. 4. Part 2. Prilozheniya. 672 + XXIX p.
- Wagner, M. (1983). Poniński Władysław. In Rostworowski, E. (Ed.). *Polski słownik biograficzny*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, Zakład narodowy im. Ossolińskich. T. 27/3. Zeszyt 114, Poniatowska Helena – Popowski Józef, pp. 547–548.

The article was submitted on 17.09.2017